

По ту сторону Земли

Экспедиции по бездорожью, в которых мне довелось побывать с Михаилом Анатольевичем Абызовым и Анатолием Борисовичем Чубайсом, всегда отличались сложностью маршрута и слаженностью команды. Крепкий коллектив под руководством бессменного спортивного руководителя Александра Давыдова штурмовал горы, пустыни и байкальский лед. При том, что экзотика всегда была важной составляющей наших экспедиций, основной целью оставалось преодоление: себя, дороги, техники. Джипы, квадроциклы и "Багги" становились родными, почти одушевленными. Естественно, к каждому потенциальному члену команды предъявлялись вполне серьезные спортивные требования. Помимо уникальных спортсменов из группы Давыдова, многие из которых — чемпионы Европы, мира и России по экстремальным видам спорта, завидной спортивной подготовкой обладают и Миша Абызов, и его жена Катя, а их сын Дания просто вырос в походах и экспедициях. Сын Чубайса Алексей выбрал организацию экстремальных путешествий своей основной профессией. Именно от него я регулярно получаю полезные уроки управления снегоходом, квадом или гидроциклом. Да и сам Анатолий Борисович показывает мастерство владения разнообразной техникой, причем на неизменно высоких скоростях.

В экспедиции "Транс-Инко" в нашей компании появилось сразу много новых людей: Александр Волошин и его супруга Галина, Татьяна и Валентин Юмашевы, дочь Валентина Борисовича Полина, она же жена Олега Дерипаско, Леня Казинец, который в свободное от экстрима время руководит одной из крупнейших строительных фирм Москвы, бизнесмены Василий Сидоров и Дмитрий Разумов. Из "завсегдатаев" нельзя не упомянуть Бориса Вайнзихера — одного из лучших российских энергетиков, который теперь еще и артист нашего театра*, поскольку в очередь с Сашей Гордоном играет в спектакле Гришковца "Дом".

Маршрут Перу — Боливия — Чили грозился превратить экспедицию в традиционную туристскую поездку, когда группу людей с фотоаппаратами высаживают из автобуса у подножия какой-либо достопримечательности и через двадцать минут так же организованно увозят.

К счастью, всем этим людям, которые объездили полмира и чего только не повидали, присущ не просто здоровый спортивный азарт. Многие из них обладают выдающимися достижениями в разных видах спорта. Леня

* Московский театр "Школа современной пьесы"

Казинец, например, рекордсмен мира в групповых прыжках с парашютом. Татьяна Юмашева — чемпионка Москвы по волейболу. А Александр Стальевич Волошин прошел за свою карьеру столько крутых политических виражей, что крутой маршрут "Транс-Инко" покорился ему без труда. Кстати, в этой поездке собрались три бывших главы Администрации Президента — Чубайс, Юмашев и Волошин.

О людях надо писать отдельную повесть. В эти заметки хотелось бы вместить как можно больше разнообразных впечатлений, привезенных из Южной Америки.

Перелет

Это первая экспедиция, когда все участники добирались из Москвы до места встречи порознь. Я не осознал этого: как обычно, ждал, когда позвонят и сообщат, в какое именно Внуково и к которому часу прибыть с вещами. Никто не звонил, а когда я спросил у Саши Давыдова, тот сослался на первую строку в описании маршрута, выданного членам команды задолго до отъезда: "Сбор участников группы в Лиме (Перу)". Хорошо, что это географическое открытие я сделал за несколько дней до вылета и успел купить билет.

Почти все рейсы в Южную Америку из Европы летят через Мадрид. Я разглядел в этом не столько техническую необходимость, сколько дань исторической традиции, и почувствовал себя немножко конкистадором, отправляющимся на завоевание новых земель. В Испании раньше бывать не приходилось, но то, что я увидел из иллюминатора, абсолютно совпало с моими представлениями об этой стране. Когда начали снижение над Мадридом, под крылом самолета о чем-то запели горы и выжженные солнцем поля. Казалось, что вот-вот появятся Дон Кихот на Росинанте и Санчо на своем осле. Ничего такого не появилось, и в современном мадридском аэропорту мы пересели на рейс в Лиму. Перелет занял двенадцать с половиной часов. Самолет — огромный железный ящик. До сих пор не укладывается в голове, как такие ящики держатся в воздухе. Зачем-то начал подсчитывать, сколько пассажиров на борту: зашкаливало за четверста. Пересекали Атлантику, я смотрел в иллюминатор и никак не мог увидеть землю. Далеко-далеко внизу — облака, а еще ниже, где обычно просвечивает земля, — сплошная небесная синь, как будто мы летим вверх ногами. Только это не голубое небо, а голубой океан. По моему ощущению, его должны были бороздить караваны судов, но никаких черных то-

чек на водно-небесной глади я не заметил. Может быть, потому что летели очень высоко.

Лима

Прибыли в Лиму ночью. Ждал острых ощущений и внезапного осознания того факта, что нахожусь по ту сторону Земли. Ничего подобного не произошло. Аэропорт, дороги, дома, деревья, горы совсем не производят впечатления находящихся в другом полушарии. Троллейбусы ходят, совсем как московские. Люди другие, основной типаж все-таки индейский, но это замечаешь не сразу. Нас отвезли в гостиницу, потом на ужин. Ресторан оказался у подножия пирамиды, которую, как выяснилось, построили две тысячи лет тому назад. Несмотря на то, что это местная достопримечательность, о чем говорит обилие табличек вокруг, никто толком не мог объяснить, откуда и зачем здесь это странное сооружение. Строители пирамиды, в отличие от древних египтян, явно не собирались поразить воображение потомков — такая простенькая пирамида пролетариата, сложенная из булыжников, не слишком высокая, да и кладка неровная. Хотя, наверное, прочная.

Попробовали местную виноградную водку — писко. Очень понравилась. Вкуснее чачи, граппы и других европейских аналогов. Не зря европейцы везли сюда через океан виноградную лозу.

Проснулся рано, только начинало светать. Открыл шторы и не мог оторваться от окна, за которым распростерся Тихий и недвижимый океан. И тут меня, что называется, прошибло: я почувствовал, что нахожусь очень далеко от дома, и сейчас начнется то самое невиданное и необычное, за чем мы сюда забрались.

Трансамерикан

Выехали из Лимы и поехали по шоссе, которое пересекает большинство стран Южной Америки. Называется оно Трансамерикан, и это первая асфальтированная дорога, связавшая два побережья материка. Где-то я читал, что строительству этой магистрали придавалось такое значение, что первый камень закладывали президенты трех государств — Бразилии, Боливии и Перу. Бразилия в нашем маршруте не значится, а жаль. Хотя эта страна настолько велика, что, наверно, требует отдельной экспедиции. Мы же едем вдоль океана из Перу в сторону Боливии. Дорога красивая: слева — каменистая пустыня с высокими дюнами, справа — океан.

Остров Балиестас

День был насыщенным — много картинок, много событий. Часов пять двигались вдоль океана на джипах, остановились на берегу. На быстроходных катерах помчались в сторону острова Балиестас, где проводники обещали показать океаническую фауну. Это небольшое скопление скал называют еще "Галапагосы для бедных". Чем ближе мы подплывали, тем яснее становилась какая-то нереальная по наполненности животным миром картина. Тучи, огромные стаи разнообразных птиц гнездятся на скалах самой причудливой архитектуры. Как может ветер, волны, землетрясения, как может природа сотворить такие удивительные формы с полукруглыми выемками, крошечными бухточками, рельефными берегами и бережками? Но главное — это не декорация, а действующие лица: пеликаны, пингвинчики, какие-то совсем незнакомые птицы, морские львы и котики, "молчаливые рыбы и те, кого нельзя видеть глазом...". Их тьмы, и тьмы, и тьмы. Людей они встречают человеческими эмоциями: хлопают ластами-ладошами, кричат что-то приветственное, демонстрируют, как можно грациозно уходить под воду и выпрыгивать у самого борта, подныривают под катер и оплывают вокруг, оставляя за собой белую пенящуюся дорожку. Оторваться от всего этого совершенно невозможно, какой-то космический зоопарк! Не верится, что в дикой природе может существовать такое организованное сообщество птиц и водоплавающих тварей, кто-то должен был собрать их вместе, посадить в такую выразительную мизансцену, дрессировать. В один момент из огромного углубления в скалах, гигантского грота вышли сотни ластоногих. Катер стоял метрах в пяти от берега, и эти котики и морские львы то ли в марше приветствия, то ли в марше протеста против нашего вторжения направились, как войско. Не хотелось бы в этот момент оказаться на берегу.

Снял куртку, потому что было довольно жарко, и какая-то большая птица тут же сделала сверху свое дело. Мне сказали, что это к счастью.

Живопись на песке

Вернувшись на берег, мы снова повели джипы вдоль океана. Через какое-то время пообедали в придорожной забегаловке. Там был шведский стол. Шведский стол в Южной Америке. Я не удержался и взял незнакомый перчик со знакомой рыбкой. С рыбкой все было нормально и вкусно, а вот от перчика в голове произошел атомный взрыв. Я стал задыхаться,

искать воду. Дальше вся еда превратилась в попытку избавиться от остроты этого перчика.

Въехали в легендарную пустыню Наска, где обнаружился маленький аэродромчик. Самолетики, служащие. Нам дали подписать какие-то бумаги: нужно было указать свой вес и согласиться с тем, что никто за наши жизни не отвечает.

Летели больше часа вглубь пустыни, чтобы увидеть знаменитые рисунки, о которых каждый что-то слышал. Происхождение их необъяснимо. В песок врыты камни метра полтора-два высотой, и если смотреть с самолета, они складываются в гигантские изображения. Первый из шедевров пустынной живописи — так называемый "канделябр", — мы рассмотрели с моря, подплывая к острову. Четко очерченные контуры большого подсвечника, напоминающего менору. Хотя древние инки вряд ли знали, что такое менора. "Собака" — животное на четырех лапах и с хвостом, "космонавт" — человек, как будто в шлеме и как будто в скафандре. Это "как будто" мешает впечатлению непознанного и неразгаданного, несмотря на то, что именно "космонавт" рассматривается как доказательство нашей связи с инопланетянами.

Когда возвращались к аэродрому, обратил внимание на следы наших джипов на песке. Если не знать, кто здесь проходил, тоже довольно инопланетная картина получается. Я — человек сомневающийся, мой девиз — "не верю". Наши фантазии по поводу того, как можно объяснить возникновение, движение и перспективы жизни на этой земле, — все-таки не более чем фантазии, домыслы трактующих. Мы способны узнать, воспринять и объяснить лишь то общее, что нас объединяет. Ну, может быть, с мелкими национальными особенностями и различиями. Вот женщина-дворник подметает мостовую в Перу, точно как таджик-гастарбайтер возле станции Жаворонки Московской области. Только метла из пальмовых листьев. К женщине подходит мужчина с прозрачным пластиковым мешочком в руке. Они рассматривают свертки с перуанской едой, переговариваются на своем перуанском испанском, и сейчас пойдут домой ужинать. Оказавшись на противоположной стороне Земли, видишь такую же ясную, несовершенную и прекрасную человеческую жизнь.

Пустыня Наска

Пустыня — место, которое предъявляет планету в первозданном виде. Я видел большое количество пустынных мест в Узбекистане, Монголии,

был в Сахаре. Пустыня Наска совсем другая. Песок крепкий, плотный. Дюны высокие, обрывистые, непоросшие.

Температура все время повышалась. Вначале за двадцать, потом за тридцать, потом за сорок. Включил в джипе кондиционер. "Холодный" воздух давал градусов тридцать пять в кабине. На очередной остановке меня догнал на мотоцикле Леша Чубайс, абсолютно красный и мокрый: "Кондиционер работает?" — "Работает, но плохо". — "Можно я чуть-чуть отдышусь?". Леша сел: "О! У вас замечательно холодно!". Я спросил, долго ли нам еще ехать, имея в виду сегодняшний маршрут. Леша ответил, что ехать еще где-то недельки две. Экспедиция только начинается, а уже столько событий, видов и ландшафтов!

Ближе к концу дня вышли на берег океана, преодолев несколько очень крутых спусков в дюнах. Поскольку я родился и вырос в Одессе, для меня любой берег — пляж. Сразу бросаюсь в воду. Вода оказалась очень холодной, градусов тринадцать. Это, конечно же, особое ощущение — войти в Тихий океан и выйти из него в пустыню Наска. Войти в Тихий океан и вспомнить, как заходил в эту же воду с другой стороны Земли во Владивостоке.

Настушила ночь, воздух стал охлаждаться, а песок продолжал держать тепло, то есть палатка оказалась с "теплым полом".

На следующий день шли больше двенадцати часов с короткой остановкой на обед. Не устаю восхищаться. Краски, которые невозможно воспроизвести в искусстве живописи и тем более описать их словами. В обычной жизни, когда говорят "песок", понятно, что он белый или желтый, или серый. А здесь до горизонта переливы от красного до зеленого, от розового до голубого. Бесконечные пески пустыни, накаленные бесконечным солнцем.

Сильнейший ветер при жуткой жаре. Когда едешь в машине, песок и ветер создают полное ощущение ливня, только ливня из песка. Я помню какие-то легенды про красный дождь. Теперь понимаю, что это такое: если в пустыне красный песок, то ветер способен согнать мелкие песчинки в грозное облако и обрушить его на землю красным дождевым потоком. На стекла, как из огромного ковша экскаватора, сыплется песок. Он проникает всюду — внутрь машины, в герметичную сумку, во все карманы, за шиворот...

На краю пустыни попадали в небольшие деревеньки, которые производят жутковатое впечатление. Чудовищная бедность и разруха. Какие-то собаки, одинокий ослик... Кажется, что он пасется здесь всегда. К ночи остановились в небольшой гостинице, по своему виду напоминавшей испан-

ский постоянный двор из Сервантеса. На джипах мы пришли часа на два позже мотоциклистов, чьи вещи ехали в наших машинах. Первым делом все кинулись вытряхивать одежду и смывать с себя под душем следы пустыни. Переодеться не во что, единственное, что можно было надеть, — потрепанный махровый халат, выданный каждому постояльцу. Подъехали. Нас встретила группа людей в белых халатах.

Плато Альтиплано, или Из Наско в Куско без писко

Выходим на маршрут очень рано, почти ночью. Предстоит длинный путь в сторону столицы инков Куско по серпантину высокогорного плато Альтиплано. Когда я укладывал вещи в машину, обнаружил там баллоны с кислородом, которые могут понадобиться на высоте. Во время завтрака доктор Вася Мозжухин проинструктировал, как этими баллонами не нужно пользоваться, не нужно к ним привыкать, не нужно открывать крантик, чтобы не подсесть на кислородную зависимость, а потом раздал специальные таблетки. Появится возможность почувствовать, что такое серьезная высота и как она влияет на здоровье. Во всяком случае, Чубайс объявил на полном серьезе: из Наско в Куско пойдем без писко, чтобы излишне не нагружать организм.

От городка Наско поднимались вверх, добрались до высоты 4350 метров, потом вниз, потом опять вверх. Дорога впечатляет, но тяжело дышать, тяжело передвигаться, во всем теле из-за недостатка кислорода ощущение сильной скованности.

Въехали в крохотный городок. По обеим сторонам центральной улицы примостились одно-двухэтажные домики. Дорогу перегородила толпа разряженных детей в ярких латиноамериканских костюмах и масках. Девочки лет десяти-двенадцати стояли на крышах легковых автомобилей и разбрасывали конфеты. Оказалось, это местный карнавал, на котором чествуют победительниц конкурса латиноамериканских танцев. Шум, музыка, не меньше сотни прыгающих и танцующих школьников! Наверно, они так легко двигаются, потому что живут на высокогорье с рождения. Хотя доктор Вася сказал, что продолжительность жизни в таких условиях очень низкая. А если местным приходится спускаться вниз, к океану, они чувствуют себя совсем не лучшим образом.

Нашим, напротив, непросто давался набор высоты. Приходилось останавливаться, когда кого-то срубала "горняшка". Один из проводников (казалось, они-то должны привыкнуть!) на высоте около 4000 метров ре-

шил доложить начальству о своем неважном самочувствии, сделал несколько неоправданно резких шагов к машине Саши Давыдова и не дотянул... упал на землю прямо перед нашим джипом. Вася несколько минут уколами и таблетками приводил его в чувства. В экипажах регулярно менялись водители и штурманы. Кто-то постоянно зевал и засыпал. Поначалу я чувствовал себя сносно, но когда прошли самую высокую точку, к горлу подступила тошнота. Попросил остановить колонну и вышел из машины. Взял у Васи таблетку и стал отщучиваться, что меня тошнит от разговоров Чубайса и Вайнзихера: они уже битый час обсуждали системы автоматической безопасности гидроагрегатов.

Куско — столица инков

Поздно ночью приехали в Куско. Абсолютно испанские строения. Довольно грязно и бедно, но центральная площадь города и гостиница, где лучшие образцы колониальной архитектуры в соединении с современным дизайном, производят высокохудожественное впечатление. Очевидно, здесь работали большие мастера. Хочется ко всему прикоснуться, все потрогать, сфотографировать и запомнить.

На окнах в номере ставни. Открываю и вижу перед собой двор с красивейшими черепичными крышами — эффект двух поставленных друг напротив друга зеркал, в которых множатся изображения черепичных крыш, в реальности убегающих вверх по склону, а может быть, само время, — зеленью, артистично оформленный предметами старинного быта. Седла, конная сбруя, колеса старой телеги, каменные большие кувшины для вина... Понятно, что это все поставлено рукой дизайнера, но вещи настоящие. Людей уже нет, а вещи сохранили дыхание времени, фактуру и дух страны, о которой я раньше не имел никакого представления.

В Куско 400000 жителей. Невероятно, что на высоте 3500 метров живет такое количество людей, и не очень понятно, чем они там занимаются. Территория довольно сложная — горы, горы, горы, горы, скалистые и дикие, почти не оставляющие земли для того, чтобы выращивать хлеб насущный. Промышленности не видно. Когда испанцы завоевали земли инков и их столицу, разрушили все, что было построено до них, и на старых инкских фундаментах возвели свои храмы. Иисус в перуанских католических храмах — совершенный утонченный испанский гранд, бог-колонизатор, совсем не похожий на местных жителей. Современные перуанцы, естественно, утверждают, что они потомки инков, почти все — индейцы, ко-

роткорослые, смуглые, плотные и очень экзотичные, хотя по нашим европейским меркам их трудно назвать красивыми. Почти все одеты в национальные костюмы, но тебя не покидает ощущение, что весь этот маскарад только для приезжих.

Рано утром вышел погулять, посмотреть и пофотографировать город. Возле нашей гостиницы стояла настоящая лама, тоже в национальном костюме — многоцветной попонке из каких-то лохмотьев ручной работы. Рядом примостилась не менее экзотическая местная старушка. Я стал искать ракурс, чтобы ее сфотографировать, Она сверхактивно позировала. Пока я искал кадр, рядом со старушкой и ламой появился Чубайс. Я очень обрадовался: "Ох, Анатолий Борисович! Я сейчас вас сфотографирую!". Но он почему-то был не в восторге от моей затеи и быстро ушел, а потом объяснил: "Вы знаете, что старушке, которую вы фотографировали, нужно было заплатить? Она не просто так гуляет здесь со своей ламой. Она пришла на работу. Она здесь стоит, чтобы создавать местный перуанский колорит, на фоне которого вы могли бы сделать снимок". Я понял, что со старушкой прокололся. Но оказался прав в том, что здесь много декораций и ряженых персонажей.

Мы гуляли по старым узким улочкам. На одном из величественных зданий, которое оказалось судом, обнаружили две пары огромных часов, показывающих разное время, причем ни одно из них не совпадало с реальным. Мы начали строить догадки, почему так. Кто-то сказал, что часы показывают время, остановившееся со времен инков, кто-то предположил, что одни часы показывают местное время, другие — среднеевропейское... Подошедший Миша Абызов, как всегда, высказался четко и определенно: и те, и другие часы не работают. И это была, кажется, верная версия.

Мачу-Пикчу

Едем поездом в одно из главных мест паломничества Латинской Америки. Одноколейка ведет из города Куско в Мачу-Пикчу. Мачу-Пикчу — таинственный город инков высоко в горах, который открыл американец Хирам Бингем в начале XX века. Едем по дну ущелья, по обеим сторонам горы. Иногда горы отступают, и тут же небольшие долины и ложбинки оказываются захваченными сельхозугодьями и фермочками местных жителей: кукурузные делянки, огородики... Пугающая беднота. И очень добжелательные люди.

Дорога в Мачу-Пикчу построена специально для путешественников.

И все вокруг, кажется, устроено тоже с оглядкой на них. В вагоне сидят колоритные индейцы с гитарами и местными музыкальными инструментами из высушенных фруктов или овощей. Они бесконечно играют, выстукивают индейские ритмы, поют и что-то выкрикивают. На нас местные власти хорошо заработают: билет стоит 250 долларов. Да мы и не против, только комфортабельный туристский поезд по контрасту с бедными хижинами за окном подрывает доверие и к самому "седьмому чуду света", таинственному городу Мачу-Пикчу: может, и его построили специально для нас?

Что это за город-призрак, непонятно откуда возникший и куда исчезнувший? Мы ведь даже не знаем, как он назывался: предки нынешних перуанцев не оставили после себя памятников письменности, и тот самый американец, который открыл миру Мачу-Пикчу, попросту назвал город по имени горной вершины, на которой тот расположен. Это уникальное сооружение. Правильный экскурсовод сказал бы: "комплекс сооружений". Спланирован он так, будто какому-нибудь выдающемуся современному архитектору сказали: вот тебе территория, вот тебе точное количество жителей, построй для них всю городскую инфраструктуру. С домами, храмами, лавками и общественными туалетами. Все было продумано, расчерчено и выстроено из гладко отшлифованных каменных блоков, вырезанных или выпиленных из твердой горной породы. По объему это не блоки даже, а глыбы или целые скалы. Вес отдельных "камушков" больше ста тонн. Сложены они без всякого раствора, как объемный пазл, да так, что в щель между двумя блоками невозможно протиснуть даже лист бумаги. Кто, где, когда и чем выпиливал этот строительный материал? В нашем супертехнологичном мире не существует инструментов и устройств, которым было бы под силу решить такую задачу. И как все это доставляли на высоту, притом, что у инков не было даже колеса? На подъезде к Мачу-Пикчу дорогу перегораживает одна из древних стотонных глыб, так ее даже столкнуть с горы не могут! Нет такой техники, которая с этим справится!

Очень сомнительно, что это город инков. Постройки, инкское происхождение которых доказано научно (спектральный анализ и т. д.), сложены по-другому. Во всяком случае, все, что они пытались соорудить в окрестностях по образу и подобию Мачу-Пикчу, сильно отличается от оригинальных построек, и не в лучшую сторону. А может быть, инки этот город нашли и удивлялись не меньше нашего?

Одна из теорий возникновения Мачу-Пикчу в буквальном смысле допотопная. Если предположить, что Всемирный потоп все-таки был, то он, по мнению ученых, мог представлять собой серию гигантских цунами,

перехлестнувших через Анды и стерших все следы цивилизации строителей Мачу-Пикчу, кроме самого города.

Мачу-Пикчу — не единственный подобный памятник. На соседних горных вершинах тоже есть загадочные постройки, только они гораздо меньше изучены, и железную дорогу туда еще не провели.

Всем этим необъяснимым архитектурным чудесам обязательно должно найтись простое и внятное объяснение. Как часам на здании суда в Куско.

Пока мы впитывали легенды о происхождении загадочного города, нас покусали какие-то жучки. Доктор Вася предупреждал, что здесь водятся страшно неприятные твари, от укусов которых не спасает никакая мазь. Три дня после этого раны не исчезали, не заживали и очень сильно чесались — современная фармакология была бессильна. Может, эти жучки тоже из допотопной цивилизации?

Амазония

Мы все еще в Перу. Летим в столицу Амазонии город Икитос. Сегодня 7 ноября. В Москве снег, а здесь плюс 45. Очень тяжело, очень мокро, очень душно. Кажется, что выйдешь из помещения на улицу — и там свежий воздух. Выходишь — еще жарче, еще влажнее.

В Икитосе сели в смешной автобус. Он без стекол, чтобы продувался. О кондиционерах нет и речи! Из автобуса мы должны были пересестись на гидросамолет, чтобы лететь в центр Амазонки. Оказалось, он не вмещает всю команду, и нужно разделить на две группы. Я оказался во второй. Сидим в аэропорту и дожидаемся, пока самолет вернется. Прошло часа два, но никто не прилетал. Перуанский гид долго вел переговоры и выяснил, что летчик не обнаружил на Амазонке точку, где стоит корабль, и вернулся. Первая группа показала вдалеке на летном поле. Мы радостно замахали руками, но они исчезли так же неожиданно, как и появились: летчикам, наконец, сообщили точные координаты корабля. Снова ждем.

На стене в зале ожидания аэропорта неизвестный художник изобразил все, что знает о джунглях: на ветках попугаи и обезьяны, под веткой ягуары, еще ниже черепахи, ящерицы и змеи. Похоже, живописец работал в стиле передвижников, но получилась утрашающая лубочная картина. Примерно "Утро в сосновом бору" в виде тканого коврика с кистями, которые раньше продавали на базарах. Зато мы получили представление, где оказались, и очень хотели как можно скорее попасть в эту ожившую картинку. Чтобы не терять времени, решили поехать в городе. Взяли такси. Такси здесь —

трехколесные мотоциклы, впереди место для мотоциклиста-водителя, сзади что-то вроде инвалидной коляски с нависающей тряпочной крышей, куда с трудом помещаются два человека. Мне казалось, что до центра города ехать долго. Однако сразу за территорией аэропорта этот самый центр и начинался. Все равно как идти по Тверской и вместо Кремля упереться в Шереметьево-2. На первом же перекрестке увидели придорожную забегаловку и с удовольствием заняли большой стол. Попросили принести чего-нибудь местного и вкусного. На столе появились разные салатки: лук, овощи, морепродукты, потом основное блюдо — рыба в кляре. Олег Вайнзихер сказал папе Борису, что рыба очень вкусная, точно как у бабушки. Когда мы собрались уходить, официант спросил, как нам понравилось еда. Мы похвалили: "Нормальная рыбка!" — "Как рыбка?! Это аллигатор! Его только сегодня утром поймали!". Все разом прочувствовали, что мы в джунглях, и Миша Абызов немедленно заказал бутылку писко.

Погрузились в гидросамолет, взлетели и почти сразу увидели под собой Амазонку. Вид сверху впечатляет: огромное количество притоков, причем каждый из них — самостоятельная большая река. Становится понятно, откуда здесь столько буйной зелени: нескончаемые потоки воды плюс экваториальное солнце.

Посадка — приводнение. Самолет не может стоять на воде. Он приводняется по центру реки, максимально сбавляет скорость, но не останавливается. Моторная лодка движется параллельно гидросамолету, они выравнивают скорость, и мы по одному перескакиваем на борт моторки.

Оказалось, мы плывем в джунгли, в место, где между тропическими деревьями проложена подвесная дорога. Местный проводник повел по узенькой болотистой тропке в гущу леса. По-прежнему жарко и влажно. Шли, обливаясь потом, наступая на лианы, без привалов и остановок. Проводник торопился и говорил, что мы можем не успеть до темноты. Я впервые в джунглях, впервые вижу лианы и пальмы высотой с 20-этажный дом. Со всех сторон раздаются свисты и крики. От избыточной влажности — сильный запах гниения. Кто-то из наших полушутя-полусерьезно выразил надежду, что это натуральный природный запах, а не запах прошедших до нас путешественников.

Вот она, подвесная дорога в джунглях! Между деревьями переброшены доски, с обеих сторон натянуты тросы, чтобы держаться за них при переходе с одного дерева на другое. Нужно зайти на площадку и двинуться вверх по шаткому мостику, причем разом эта конструкция выдерживает не больше трех человек. Мостики разной длины, в среднем метров 15-20.

Каждый последующий мостик поднимает тебя выше и выше от земли: вот площадка в пяти метрах над землей, вот уже пятнадцать, двадцать, тридцать... Все выше и выше, и выше. И ты с высоты смотришь вниз. Впечатление острое. Вокруг — ожившая картинка из аэропорта. Бесконечное число всяких тварей, змей, обезьян и прочих обитателей тропического леса. По подвесной дороге проходим километра полтора. Проводник рассказывает, что эти мостки в джунглях соорудили лет сорок назад по заказу ученых одного американского университета, чтобы они могли сверху, затаившись, наблюдать растительный и животный мир в разные времена года. А когда они оставили свои наблюдения, дорога стала местной достопримечательностью, и теперь тропическую жизнь могут наблюдать не только ученые, но и обычные люди.

Довольно быстро стемнело. У кого-то оказались с собой фонарики, и мы электричеством освещали дорогу в джунглях. Неприятно наступать на землю: она мягкая, болотистая, под ногами многослойная листва и отжившие лианы. Кажется, что это змеи. Уже в полной тьме добрались до места на берегу, куда нас привезли лодки. Возле домика с пальмовой крышей обнаружили нечто похожее на наши дачные умывальники. Попробовали освежиться водой. Совершенно бесполезно, вода почти горячая... Очень хотелось поскорее на корабль, где обещали душ. Вместо этого проводник сообщил, что нас ждет шаман. Снова двинулись по едва протоптанной тропке в чашу леса. К счастью, двигаться было недалеко. В огромной хижине по кругу стояли скамейки. Местный человек раздал нам соломенные веера. Кто-то пошутил, что сейчас будет работать кондиционер. Появился шаман, долго бормотал непонятные слова и жестикулировал, подзывая к себе по очереди членов нашей команды. Пошли не все, я тоже остался наблюдать за происходящим со скамеечки. Шаман вдвух дым в голову, раскуривал "сигару" из специальных шаманских листьев и давал что-то понюхать. Очень похоже на банщика в бане. Я с трудом дождался конца всего этого шаманства, после чего мы довольно долго мчались по Амазонке к нашему кораблю. Кромешная тьма. Какой-то приток Амазонки. Капитан лодки одной рукой держал руль, другой — огромный фонарь, которым все время светил то направо, то налево, то в воду. Так продолжалось больше часа. Когда луч прожектора скользил по воде, казалось, оттуда кто-то выпрыгивает. И наконец, во тьме высветился высокий корабль. Нас распределили по каютам. Я вошел в свою и почувствовал, что оказался в морозильной камере. Работал кондиционер, и это казалось невероятным.

В кают-компании объявили ужин, кто смог, на него поплелся. Я до-

шел. Дали какой-то вкусный салат. Думал, что из капусты, оказалось — молодые побеги пальмы. Здесь многие фрукты и овощи по вкусу сильно напоминают нашу обычную еду. Сегодня я был уверен, что ем картошку, а это была кукуруза. Все время какие-то подмены.

В этой экспедиции мне несколько раз приходили в голову последние стихи Булата Шалвовича Окуджавы, которые он оставил Чубайсу: "Как нам жить, решаем сами. Мир по-прежнему велик...". Утром увидел через широкое окно каюты настоящую Амазонку. Многоводная река, далекий зеленый берег, лодки, редкие домики... Если не знать, что зелень на берегу — тропический лес, похоже на Среднюю Волгу. Смотрю в ночное небо. Какой-нибудь астроном сразу скажет, что это южное полушарие, а не северное, потому что созвездия другие. А для меня это просто звездное небо над землей. Мир по-прежнему велик и разнообразен, но он один для всех. Между северным и южным полушарием, между странами и городами гораздо больше сходства, чем различий. И можно без труда понять желания человека, находящегося рядом, даже не зная его языка, так же, как и он поймет мои желания и чувства. В осознании этой истины заключалось одновременно очарование и разочарование.

Приплыли в индейскую деревню. Аборигены к нашему приезду надели этнические костюмы из тростника и пальмовых листьев, раскрасили лица, при этом мы рассматривали их, а они — нас. Зрителей и исполнителей можно было бы спокойно поменять местами. Когда дошло до народных танцев, довольно примитивных и простеньких, наши с большим удовольствием включились в аборигенское действо — подпевали и пританцовывали. Местные воодушевились, и было заметно, что от работы они получают удовольствие. С азартом демонстрировали нам свое древнее искусство — стрельбу из воздушных ружей. Очень интересно: индеец дует в длинную деревянную трубку, и из нее вылетает тонкая стрела с острым наконечником. Поскольку отверстие в трубке узенькое, воздух выталкивает стрелу с большой силой, и она летит, набирая скорость, точно в намеченную цель. Наши восхищались мастерством индейских стрелков, а когда попробовали сами, оказалось, что и русские стрелки не уступают в меткости.

Вождь с празднично разрисованным телом и короной из перьев на голове сразу же определил, что среди нас тоже есть вождь — Анатолий Борисович Чубайс, и они без переводчика стали довольно активно общаться.

Мы ходили по хижинам, покупали местные сувениры ручной работы. Не смог удержаться и купил себе за полтора доллара нож, сделанный из зубов пираньи.

Кормили обедом: выставили много закусок, и было абсолютно очевидно, что это изобилие специально для нас. Местным жителям, и особенно детям, не разрешили даже подходить к столу. Таня Юмашева взяла большое блюдо с едой и начала угощать "хозяев". Никто не отказывался, а дети ели с особым удовольствием и были очень благодарны. Я заметил трехлетнего мальчика, решил, что он на меня похож, и попросил нас вместе сфотографировать.

Решили завершить этот замечательный день купанием в Амазонке. Нас пугали пираниями и крокодилами, но напрасно. Горжусь тем, что вошел в зеленовато-коричневую воду первым. Замечательно поплавали. Местные принесли амазонскую грязь, которая, как нам сказали, лечит все. Сначала никто не хотел, потом постепенно все измазались этой грязью.

В программе следующего дня — охота на пиранию. На лодках довольно долго идем по какому-то притоку. По берегам разбросаны хижины с крышами из пальмовых листьев. К воде ведут вырубленные из дерева лестницы.купаются малыши, сидят рыбаки, женщины стирают белье. Нормальная жизнь амазонской деревни. Зашли в заводь, разобрали удочки — тонкие и гибкие ветки с привязанной веревкой и примитивным крючком. На крючки надели кусочки свежего мяса. Пираньи любят свежее кровоточащее мясо. Забросили эти нехитрые приспособления в воду, и уже через несколько минут кто-то радостно закричал и вытащил первую рыбку. Рыбка оказалась похожей на сома, небольшая, с усиками. Точно не пиранья. С некоторой регулярностью мы слышали крики на соседней лодке и стали вести счет пойманым рыбкам. Пиранию никто так и не поймал. Очевидно, в Амазонке они так же редки, как осетры в Волге.

Резко надвинулись тучи. Мы бросили рыбалку и поплыли в сторону корабля. Быстро темнело — из-за ночи или из-за туч. Тропический ливень обрушился мгновенно и дико, как стихийное бедствие. Кровать в моей каюте стояла напротив окна, затянутого белой занавеской, — точно как экран в кинотеатре. При вспышках молнии экран оживал, и на нем появлялись кадры "далекой Амазонки" — те же хижины и рыбацкие лодки, которые мы видели днем, только в черно-белом изображении. Картинка на экране гаснет, снова молния и — новый кадр. Корабль плывет, пейзаж за окном-экраном меняется. То ли это кино про Амазонку, то ли эта Амазонка — кино...

Под дождем собрались на верхней палубе, кто-то нашел гитару и в результате запели.

К утру вернулись в город Икитос. Оказалось, что это довольно большой город, в нем 700000 жителей. Здесь практически нет легковых авто-

мобилей. Увидеть автомобиль здесь так же сложно, как в Москве лошадь. В основном, весь город заполнен крохотными мотоколясками, как такси, на котором мы катались здесь в ожидании гидросамолета. На мой вопрос, почему нет машин, местные объяснили мне, что ехать некуда. Город островной, расположен в центре джунглей, вокруг Амазонка. Она растекается так, что ни перейти, ни переехать ее невозможно. Кроме города, шоссе нет нигде, поэтому в Икитосе ходят бывшие школьные американские автобусы с вынутыми стеклами и эти смешные такси. Самое холодное время года — зима, когда температура опускается до 24 градусов тепла. И это действительно настоящий холод. Поэтому стекла в транспорте — излишняя роскошь.

Титикака и владельцы частных островов

Самолетом перебрались на озеро Титикака. Высота этого озера — 3840 метров. Снова трудно дышать и лучше не делать резких движений. Погрузились на быстроходные катера, и в течение часа, пройдя разливы и мелководье, поросшее тростником, и "большую воду", достигли плавучего острова.

Здесь, в районе озера Титикака, живут племена, которые издревле умеют плести эти самые специальные тростниковые лодки-суда. Именно у них заказывал свою знаменитую лодку "Ра" Тур Хейердал. Правильный тростник для таких судов растет только в этих местах, он очень гибкий, а в сплетенном состоянии быстро твердеет и становится прочным, пригодным даже для дальних плаваний.

Живут эти люди семьями на плавающих островах, которые сами себе плетут из того же тростника. Нам довольно подробно показали технологию изготовления такого острова. Сперва нужно получить от властей разрешение на "строительство" острова. Потом руками плетутся несколько больших тростниковых плотов. Их накладывают слоями друг на друга, а между ними прокладываются смесь из земли и ила. Тростник прорастает, его перекладывают слоями справа налево. Остров может достигать площади в несколько сот квадратных метров. На нем стоят такие же плетеные хижины, в которых живут обычно несколько родственных семей. Возле каждой хижины — очаг.

Срок службы такого острова — сорок лет. Со временем нижние слои тростника подгнивают, остров становится тяжелее и идет ко дну. Обитатели плавучих островов очень хорошо знают, когда им нужно перебраться

на берег и сооружать новую территорию для жилья. Основное их занятие — изготовление и продажа тростниковых лодок. Попутно процветают и другие местные ремесла, весьма востребованные приезжими: изготовление яркой самотканой одежды и всевозможных сувениров.

Нас радостно встретили. Узнав, что мы русские, стали петь "Выходила на берег Катюша". Мы тут же рассказали слова второго куплета и спели вместе с ними. Одна немолодая женщина вспомнила, что знает еще "Пусть всегда будет солнце", и тут мы совсем растаяли. Леня Казинец стал тихонечко вынимать доллары и раздавать маленьким детям. Потом они предложили нам надеть свои одежды. В результате мы меняли наши шляпы и куртки на пончо и накидки.

На каждом острове обязательно есть президент с супругой, и у нас был официальный прием. Вышел местный президент, как обычно, толстый, представил себя, свою жену и все население острова. Население вместе с детьми — человек пятнадцать. Все были поражены, когда среди экзотических имен вдруг прозвучало имя Ольга. Естественно, президента приветствовал Чубайс и представил всех нас. Наши имена вызвали страшный хохот.

Нам дали попробовать очень вкусное, с точки зрения местных, блюдо. С нашей точки зрения, это абсолютно свежий тростник. Они его рубят, очищают, и остается белая ватная начинка. Здесь это основная еда. После трапезы мы отправились в северную часть озера Титикака, на небольшой частный остров Суvasи. Плыли около трех часов. Титикака — огромное озеро, почти как наш Байкал. Собственно, их и соотносят друг с другом. Начались волны, катер стало подбрасывать. Кто-то пошутил: кого еще не дождала "горняшка", тех дожмет качка.

На острове нас встречали и кормили. Стемнело. Местные пытались зажечь свечки. Они горят очень плохо, на такой высоте не хватает кислорода. Мы прошли вверх метров 150 до гостиницы, и каждый шаг давался с трудом. В номере стоит печка-буржуйка. Потолок из плохо обработанных бревен. И все же у меня ощущение, что это одна из лучших гостиниц, в которых довелось побывать. Потому что за окном — прекрасное озеро Титикака.

Была очень холодная ночь, и радушные хозяева решили согреть нам постели. Каждому под одеяло положили бутылку с горячей водой. Утром делились впечатлениями. У всех были разные реакции на эту любезность: кто испугался, кто обрадовался, кто вообще долго не подходил к кровати. Кто-то в чудовищной усталости влез под одеяло и, обнаружив рядом с собой что-то теплое, решил, что это неведомое животное, и жутко испугался.

Утром вернулись на берег, где нас ждали джипы. Следующая ночевка будет на высоте 4300 метров. Мы едем в сторону границы с Боливией, пересечем ее, чтобы попасть в столицу Боливии — Ла-Пас.

Переход из Перу в Боливию

Мощное бездорожье на большой высоте. Начали с 3800 м, к концу дня добрались уже до 4200. Впереди самая высокая точка маршрута — 5500 метров.

Погранпункт на границе Перу и Боливии представляет из себя нечто немислимое: кажется, эту будочку вчера сколотили из хлама, подобранного на соседней свалке. От будки к дереву тянется веревка, на ней сушатся вещи. Два человека в полувоенной-полугражданской форме осматривали наши машины и вглядывались в паспорта. Крутили, вертели, цокали языками и никак не могли решить, пускать или не пускать нас в Боливию. Саша Давыдов, в конце концов, дал команду разворачиваться и идти другим маршрутом. Другой маршрут оказался объездом "пограничной заставы" в пятистах метрах.

Вокруг мало что изменилось. Поля с худосочными растениями. Женщины с огромными мешками за спиной. Некоторые из них в шегольских мужских шляпах. Если местная женщина носит такую шляпу, значит, она замужем.

Столица Боливии Ла-Пас кичится тем, что она самая высокогорная в мире. Я видел бедные арабские города в Палестине. Ну, грязные, ну, заброшенные, но то, что мы увидели в Ла-Пасе, не поддается никаким определениям. Огромный миллионный бомжатник. Ощущение, что ни одно здание не достроено. Фантастическое количество мусора. При этом кто-то что-то продает, какие-то машины и мотоциклы куда-то едут. Мы, правда, не заезжали в самый центр, а спешили как можно быстрее выбраться из этой столицы. Люди смотрели на нашу колонну, как будто мы колонна космических кораблей. Причем не просто смотрели, а пытались потрогать или пнуть ногой. Дети и собаки неистово режут и кидаются на машины. Машины едут куда хотят, водители не смотрят по сторонам, светофоры условны, не видно ни дорожной разметки, ни регулировщиков. На одном из перекрестков наш джип, перевозящий мотоциклы, притормозил на красный свет и был немедленно атакован двумя местными молодыми людьми, в буквальном смысле пытавшимися стащить мотоцикл с крыши. Хорошо, что водитель рванул, и они вынуждены были отстать. Час мы

пробирались через весь этот кошмар, и наконец, вырвались на дорогу, где возникло неожиданное препятствие. Дорога была перегорожена камнями и палками, а неподалеку стоял ржавый танк. Самодельным блок-постом руководили совсем не самодельные военные. Саша пошел разбираться. Переговоры закончились тем, что он вынул деньги. Палку-шлагбаум тут же подняли. Никто не проверял наши визы и паспорта. Наверное, боливийская армия собирает деньги на перевооружение.

Проехали более 400 километров. Стало быстро темнеть. Последний участок дневного маршрута — до вулкана Сахама. Это самая высокая точка Боливии — 6542 метра. Дорога идет как будто по пеплу этого вулкана, пыль в метр толщиной. Температура резко падает: 18, 16, 14 градусов, у места и вовсе не выше четырех. Очень холодно и тяжело дышать. Вулкан Сахама разглядел только утром. На его вершине лежал снег.

Вулканы и соляные озера

На разных видах транспорта двинулись на юг вдоль чилийской границы. Абсолютно дикие места — вулканы и соляные озера. Три белых ламы на белом соляном озере. Миша Абызов чуть не столкнулся с ламой. Она легла спать, а он проскочил на мотоцикле в полуметре от нее. Лама была поражена, что в местах, где ее никогда никто и шорохом не спугнет, несется страшный ревущий агрегат.

На дороге за нашей техникой тянется шлейф вулканической пыли. Пылью покрыто все. Попадаются гробницы, построенные инками. Я вошел в одну из них и был потрясен — гора костей и черепов. Все эти останки лежат здесь более пятисот лет и совсем не производят устрашающего впечатления. Обычное для инков захоронение. По логике вещей, в гробницах должны были объявиться археологи, что-то накопать и что-то объяснить. Похоже, что никто из ученых сюда не заглядывал.

На очередном из бросков у меня вылетает заднее стекло. Оказалось, что доктор Вася поверх общего оборудования положил в наш джип свои медицинские чемоданы с красными крестами. И эти ящики сыграли в ящик. Остановка. Ехать дальше невозможно — внутри машины ничего не будет видно. Ребята соорудили из скотча и картона загородку вместо стекла. Пока делали, подтянулась мото-багги-группа. Мы заметили неподалеку брошенный домик. Общее ощущение в этих местах, что все куда-то сбегали, спешно побросав дома и могилы предков. К домику был пристроен сарайчик из камней, разбросанных в округе повсеместно, сложен хилый

заборчик. К сарайчику прислонены два мешка с костями. Что за кости? Животных? Человека? Так и не поняли, но нас уже перестали удивлять следы ушедшей в небытие жизни. Натянули тент и здесь же устроили обед.

Пересекли несколько рек, неожиданно глубоких и активных. И ближе к вечеру увидели те самые соляные озера. Это уникальное природное явление: абсолютно белая поверхность, чуть-чуть потрескавшаяся, очень твердая. Озера высыхают летом, зимой они впитывают влагу и становятся вязкими, как болото. Одна из наших машин выехала на такое место, и мы все завязли часа на два. Может быть, это и хорошо, потому что, когда стемнело, пространство вокруг стало абсолютно белым, а небо как будто куполом накрывало землю. Можно было одним взглядом охватить половину звездного небесного свода. Другое небо, чужое небо, но небо этой Земли.

Когда мы, наконец, вырвались из вязкости озера и через некоторое время оказались на другом, где покрытие было тверже твердого, уже наступила полная ночь. Мы устроили довольно мощные гонки, где скорость и полоса движения не ограничены. Я предложил погасить огни. Впечатление одно из самых сильных за мою жизнь, будто бы мчишься на космическом корабле в космическом пространстве.

На ночлег остановились возле очередного вулкана — Тауа. Рядом соляное озеро Уюни. Возле этого озера какие-то боливийские ребята выстроили маленькую гостиницу из соляных блоков, вырезанных из самого озера. Кровать, на которой я спал, — это соляной камень, покрытый матрасом. Стол и стулья — тоже из соли.

Утром двинулись к вулкану. На отметке 4000 метров обнаружили пещеру с мумиями. Местные жители нашли эту пещеру год назад. Вход в нее закрыли железной дверцей, повесили замочек и за определенную мзду его отпирают. Огромная сводчатая пещера, по разным ее углам в позе эмбриона усажены мумии. Похоже, что здесь захоронены несколько поколений одной семьи. Рядом с ними предметы быта: чашечки, глиняные тарелочки и много другой утвари, очевидно, необходимой в загробной жизни. Все это в отличной сохранности — удивительно, ведь этим останкам и глиняным черепкам более двух тысяч лет! Дохристовый, доинковый период! Мы с Чубайсом присели на крохотный каменный выступ в пещере и просидели молча довольно долго. Внимали атмосфере и тишине. Никакого отторжения, ужаса и страха. Умиротворение и покой. Леша Чубайс сказал, что хотел бы утонуть где-нибудь в океане. Умрешь нормально, а через 2000 лет такие же, как мы, придут и начнут рядом фотографироваться.

Мы идем по совсем нетронутым местам. Вулканы извергли эту пыль

и камни, и они лежат здесь столетиями. Кактусы выше человеческого роста, самых невероятных цветов и оттенков. И горы: чуть-чуть меняется солнце, чуть-чуть меняется угол освещения, и это уже совсем другой цвет, другая прозрачность.

От пещеры мы спустились вниз к озеру. Вниз — это условно сказано, если учитывать, какая здесь высота. Озеро абсолютно высохшее, твердое. Какая фактура! Гладкая поверхность разбита трещинками на правильные пяти- и шестиугольники. Узнал от Чубайса, что наномолекулы стремятся к такой же структуре, потому что именно сочетание пяти- и шестиугольников дает материалу запредельную прочность.

Оказывается, все испытания новых гоночных автомобилей происходят именно на таких соляных озерах, потому что, с одной стороны, идеальная ровная поверхность, а с другой — очень сильное сцепление с колесами. Снова гонки без удержу, невиданная скорость и соленый ветер в лицо.

Заночевали в местечке Сан-Педро-де-Кемис. Утром нас ждал последний, финишный бросок. Мы пересечем границу Чили и выйдем к городу Сан-Педро-де-Атакама, снова в пустыню.

* * *

Такое ощущение, что прошел год, хотя экспедиция длится всего двенадцать дней.

Выехали рано, и первое, что увидели, — снова соляные озера. Бело-снежная соль, рядом с ней плещется красная вода. И среди всего этого бело-красно-зеленого, местами синего, бродят розовые фламинго. Похоже на российский флаг. Спрашивали друг у друга, не мираж ли это. Разговоры о миражах были довольно частыми. Очередной "мираж" ждал нас за поворотом дороги. Ветер создал здесь из вулканического песка невероятные многометровые скульптуры. Одна из них была похожа на цветок. Не знаю, какой скульптор смог бы сначала придумать, а потом сотворить нечто подобное. На это ушло бы много-много лет. На одну из скульптур Чубайс взглянул и сказал, что это просто Эрнст Неизвестный.

Вслед за этим природным скульптурным парком возникали новые картины. Озеро, зеленая лагуна. Обилие вулканов, ледников, небольшие равнины, на которые ледник с помощью неведомой руки выбрасывает огромные валуны и раскладывает их в дизайнерскую композицию. Между валунами — зелень и кактусы.

А вот и долина гейзеров. Я видел гейзеры на Камчатке, там они дружелюбные. А здесь бурлит зловонная серая масса, и ты понимаешь, что это и есть ад.

Чили

Без труда мы поняли, что въехали в Чили, хотя до пограничного пункта оставалось еще километров шестьдесят. Сразу возникла цивилизация: размеченное шоссе, дорожные знаки. Хотя горы и жара те же.

Город Сан-Педро-де-Атакама. По показателям выпадающих осадков это самый засушливый город планеты. Земли вокруг города приближаются по своим свойствам к лунному грунту. Американцы проводили здесь испытание лунохода. Вчера, бросив вещи в гостинице, мы пошли на ужин в центр пешком. Темнота, светим под ноги телефонами. Здесь восстановилась связь, и можно связаться с домом.

Вернувшись в гостиницу, сидели у огня с гитарой, и сильнейшим аккордом дня стало небольшое землетрясение. Сначала никто не понял, что происходит. Зашаталась большая лампа и мебель. Интересно, что здесь землетрясения до шести баллов считаются просто толчками, а уже после шести — землетрясение.

Едем на автобусе в аэропорт и летим в Сантьяго. Ландшафт абсолютно марсианский. Красные пески, выжженные каменистые огромные пустынные места. Где-то вдруг возникает зеленый пейзаж. Видно, что это низина, куда стекается вода с тающих ледников. Видно, как эти ледники двигаются. Мелькают вершины кратеров.

В Сантьяго оказались часа в три дня. Саша Давыдов нашел некоего Олега из Киева, который живет здесь уже 14 лет, и он водил нас по центру города. Шли пешком, что для нас несвойственно. Президентский дворец, где застрелился Альенде. Трогательный памятник самому Альенде. До захвата власти Пиночетом к нему было крайне резкое отношение, но мужественное противостояние узурпатору сделало его народным героем. Несмотря на то, что Пиночет вывел Чили в число стран с высоким благосостоянием, он здесь, как Сталин у нас, — убийца, узурпатор и тиран.

Мы долго бродили по Сантьяго, зашли на самую высокую точку, где стоит фигура индейца. В чистом виде персонаж Фенимора Купера, имеющий очень опосредованное отношение к Чили. По мере подхода к парку, окружавшему памятник, на улочках нам встречалось все больше и больше магазинов "для взрослых". У нас на таких обычно красуется вывеска "Интим". В парке, у ног куперовского индейца, романтично прижавшись друг к другу, сидели парочки. Интересно, здесь воздух такой?

Путешествие подходит к концу. То, что мы увидели и впитали за две недели, можно растянуть на полгода, и даже в таком темпе жизнь покажется калейдоскопом ярких событий. Напоследок поехали в самый центр Сантьяго смотреть латиноамериканские танцы. Низкий прокуренный зал. Странные лысоватые мужчины танцуют с женщинами "за тридцать". Танцуют нечто экспрессивное и резкое, совсем южноамериканское, не наше, и от этого еще больше хочется поскорее оказаться дома, в Жаворонках, чтобы каждый день ехать в театр по московским пробкам, пока не созреет новое желание сорваться...

Завтра улетаем на нашу сторону Земли.

Москва

